

ДОВЕРЧИВЫЕ ТЕТРАДИ

Из этюдов о поэзии Ольги Григорьевой

При камерном настрое поэзия Ольги Григорьевой поражает точностью ощущений и ответственностью автора за каждую поэтическую декларацию. Отсюда – ее объемность в реформировании воображения читателя, которому предоставляется возможность пофилософствовать на тему своей личной жизни, удивиться целомудренной парадоксальности ярких деталей, восхититься неожиданными афоризмами, приобщиться к грешному и святому миру других поэтов, ставших героями отдельных стихотворений, прикоснуться к таинственному миру музыки и искусства вообще, вернуться к родным пенатам, к полузабытым полям и лесам, проникнуться сочувствием к возмутительно беззащитным «меньшим братьям», без которых человеческая жизнь превращается в пресное и убогое существование, и, наконец, оказаться захваченным изумительными излияниями чистой женской души, для которой Любовь – высшее нравственное достижение и высший смысл всего сущего...

ЭТЮД ПЕРВЫЙ Привкус философии

Название этого этюда подсказано стихотворением «Привкус бега». Привкусы бывают разные. От одних – улетучивается истинный вкус вещества (недаром родилась русская пословица «Ложка дегтя испортит бочку меда»), от других – возникает необыкновенный шарм, придающий свежесть поэтическому образу или старой истине. Стихотворение «Привкус бега» – именно о ложке дегтя. Нежность человеческого сердца, пение птиц в густых садах, романтика детских и юношеских лет, озорной летний ливень, долгожданный первый снег – все это улетучивается или испошляется «привкусом бега», которым насыщена наша нынешняя жизнь: мы спешим неизвестно куда, все делаем наспех, нахрапом и даже любим «побыстрому»... А в конце – зачерствелость и ужасающая пустота.

И здесь я должен обмолвиться, что философии в чистом виде в произведениях Григорьевой не существует. Она у нее тоже выполняет функцию «привкуса» к обозначенному явлению. И в этом прелесть ее стихов, ибо в них нет назидательных деклараций и нудного оголенного философствования. Как тут не вспомнить суждение Ларисы Федоровны из романа Пастернака «Доктор Живаго»: «По-моему, философия должна быть скупой приправой к искусству и жизни. Заниматься ею одною так же странно, как есть один хрен».

Поэтому у Ольги Григорьевой все проистекает из быта. И тогда впечатление сиюминутной действительности незаметно трансформируется в вековую истину. Мальчик, капризничающий в автобусе из-за того, что он не хочет ехать спиной, вызывает у автора горькую мысль, что на протяжении неисчислимого количества лет все мы едем «спиной» по неведомой дороге и по неизвестному маршруту.

Будто жизнь потеряла русло,
Растекается, как вода –

это уже отзывается грустным музыкальным эхом в другом стихотворении. А в третьем – и вовсе тупик: душа готова «молча встретить роковую черту»...

Что и говорить! Вроде бы полнейшая капитуляция перед жизнью, которая не наполнила смыслом твое бесцельное существование...

И все-таки есть она, эта цель! Погружаясь в пучину бытия, поэт видит спасение в движении и борьбе. В борьбе с собственной мягкотелостью, допускающей обворовывать невозвратимое время, предназначенное для неутоленного творчества. И – по контрасту – в христианском смирении, позволяющем вторично помочь тому, кто предварительно плюнул тебе в душу за первоначальную помощь. А в целом – в толстовском осознании, что счастлив лишь тот, кто счастлив у себя дома.

И зачем он, этот век,

вдруг кончается?

Мы с тобой были счастливы в нем.

За традиционной манерой письма – смелое и свободное новаторство в расширении известной мысли: каким бы ни был век (добрым или жестоким), нужно уметь дружелюбно расположиться в нем, как в собственном доме.

Подчас Ольга Григорьева в чем-то не избегает трафарета (например, «Ведь судят не по желаньям, а – чем закончится»), но и трафарет у нее обусловлен драматическими переживаниями, из-за чего даже как-то неучтиво обращать на это внимание: в конце концов, фраза «Я люблю тебя», повторяемая миллион раз со дня сотворения мира, тоже банальна, но в то же время глубоко индивидуальна – в зависимости от того, кто и как ее произносит.

Отсюда – пронзительная горечь при фиксации обыденного (увы!) явления – прекращающейся эмиграции:

Эти отъезды похожи на бегство.

Семьи молчат до последнего дня.

Эти отъезды – ножами по сердцу,

Будто бросают не город – меня.

С каким великим чувством скорби и философской глубиной здесь обозначено рвущееся звено общей человеческой цепи (невольно вспоминается «По ком звонит колокол» Хемингуэя), когда все то, что творится с другими, неизбежно касается в первую очередь именно тебя! Ибо ты к этому причастен, даже если ни в чем не виноват. «Будто бросают не город – меня». Поэтическая емкость всего лишь одной простенькой строки – поразительна.

О чем еще размышляет поэт? О том, что в шестнадцать лет легче думается о смерти, чем в сорок... О том, что, открыв дверь в прошлое, ты не сможешь объяснить людям прежних столетий, почему не сбылись их надежды... О том, что в период распада империи – важнее всего сохранить от распада собственные души... А одно стихотворение называется «Зачем она была?» Она – это кто? Оказывается – жизнь. Вновь воскресают моральные проблемы, свойственные именно русской классической литературе, которая требовала от человека четкого осмысления своего пребывания на нашей грешной земле. Отсюда и вопросы, поставленные прямо «в

лоб»: «Кто виноват?» и «Что делать?». Хорошо было Герцену и Чернышевскому: они, судя по всему, знали ответы на эти пламенные вопросы. А Григорьева не боится признаться, что не знает:

Но чем ни больше человеку лет,
Ясней с годами,
что ответа нет,
И в мироздании он,
наверно, лишний...

Да, грустное признание... Но его, я думаю, не следует воспринимать в буквальном смысле. Скорей всего оно направлено против пылких всезнаек, которые ничтоже сумняшеся готовы мгновенно ответить на любой вопрос и тем самым «укрепить» свою пошатнувшуюся общественную и литературную репутацию. Григорьева призывает мыслить и сомневаться. По этому поводу не побоюсь процитировать любимый девиз немодного ныне Карла Маркса: «Подвергай все сомнению!» И получается, что основоположник научного коммунизма подвергал сомнению и сам коммунизм. Каково?

Одна из болевых тем русских поэтов Казахстана – разделение двух стран, связанных общими кровеносными сосудами. Как правило, почти каждый поэт декларирует свою верность России и любовь к Казахстану. И лишь Ольга Григорьева сумела в данном случае заменить декларацию смятенной философской метафоричностью, символизирующей раздвоенное состояние бывших граждан СССР. Ее стихотворение «Развод» хочется привести полностью:

Остается мать, отец уходит.
А бывает иногда наоборот.
Я – как маленький ребенок при разводе,
И обида мне покоя не дает:
Разменяли, разрубили, разбежались,
Разделили по тенге и по рублю.
Только я-то... Посмотрите, я осталась!
Я по-прежнему обоих вас люблю!
Одинаково над вами небо сине,
Одинаково Иртыш в степях бежит,
Что ж мне делать, если мать живет в России,
А в земле казахской мой отец лежит.
Развелись, а вот детей-то не спросили.
Понаставили таможен – и с концом.
И мечусь я между матерью – Россией,
И любимым Казахстаном, как отцом.

Дети, брошенные на произвол судьбы при разводе родителей... Обычное бытовое явление. Но Григорьева с цветаевской силой превратила его в яркую метафору, которая вызывает у читателя одновременно озноб и жар с последующим удивлением: почему, мол, я сам не нашел таких слов? Ведь так просто сказано...

Не предсказывая ход событий, поэт благодарна судьбе за то, что живет на свете. Опыт полнокровной поэтической жизни – это не опыт прагматичного предпринимателя. И когда она благодарит Бога за то, что он ей «всего отпустил сполна», то это – благодарность человека, который вмещает в себя сто лет полноценной жизни. Поэтому вопреки мудрому Ветхому завету, предписывающему не оглядываться назад, она все-таки оглядывается и уже чувствует, как на кончиках пальцев проступает соль от столпа Лотовой жены... Что ж? Лучше уж превратиться в соляной столп, нежели в беспамятного манкурта.

Ольга Григорьева трансформирует не только традиционные сюжеты. Достаточно прочитать ее небольшое стихотворение «Река и речь», чтобы убедиться, насколько она точно и оригинально интерпретирует корневую основу русских слов, чтобы докопаться до их истинного смысла. И здесь она снова очень близка Марине Цветаевой.

Резонанс ее стихов ощутим далеко за пределами Казахстана. Передо мной письмо замечательного российского поэта из Ростова-на-Дону Эдуарда Барсукова: «С какой радостью и благодарностью к Ольге Николаевне Григорьевой я прочитал ее подборку в журнале «Простор». Стихотворение «В автобусе ночном» читал друзьям по телефону. Так задели мое сердце ее стихи». Еще бы не задеть! Ведь это стихотворение посвящено россиянам и казахстанцам, чьи судьбы пересечены искусственными границами. И, следовательно, та «горсточка рифм и метафор», о которой говорит Григорьева в другом стихотворении – это не просто набор неких художественных средств, а слоистое отражение ее богатого внутреннего мира, который постоянно подпитывается всеми красками мира внешнего.

А какие утонченные парадоксы свойственны ее стихам, какие неожиданные афоризмы! Впрочем, это уже тема нашего следующего этюда.

ЭТЮД ВТОРОЙ

Сквозь пласты парадоксов и новизну афоризмов

Наверное, только очень наивные люди полагают, что парадокс как таковой представляет собой вызов общепринятой истине. На самом деле функции парадокса гораздо шире. Формально противореча здравому смыслу, он углубляет наше представление о каком-либо явлении, побуждая рассматривать его со всех сторон, чтобы обнаружить гармонию противоречивых качеств. Ибо «чистого» явления, равно как и «оголенного» предмета, в мире не бывает: все взаимосвязано, и по веселым учебникам ничему не научишься.

Беру две крайние строфы из раннего стихотворения Ольги Григорьевой, которым открывается ее юбилейная книга. Вот первая строфа:

С транзистором в горах –
 Как будто взаперти...
 Но если это так,
 Зачем туда идти?

И в самом деле – зачем? Если ты убегаешь от городской цивилизации, чтобы полной грудью вдохнуть горный воздух, упасть в мягкий снег и наслаждаться живым пением птиц, а не электронными звуками – зачем тогда брать с собой транзистор? Невольно моделируешь концовку по ходу чтения: да, мы настолько отравлены цивилизацией, что уже и природа нас не спасает... И вдруг – как обухом по голове! – последняя строфа:

И все ж прекрасен миг:
 Друзья несутся с гор,
 И эхо вторит им
 Под фугу ре минор...

Вот тебе на! И тут уж сознаешь, что банальная тема «Земля и люди» потому банальна, что мы привыкли трактовать ее лишь сквозь внешние приметы. Мы не привыкли, так сказать, к «взгляду изнутри», когда то или иное явление предстает в контексте времени, несущего в себе одновременно и разрушительное, и созидательное начало... И что? Можно поставить точку в осмыслении этого короткого стихотворения? Как бы не так... Ведь тут взгляд падает на дату: 1974. Это тогда

можно было мчаться с гор под баховскую фугу и под мелодии других классиков, чьи творения были созвучны матушке-природе. А теперь – как ни крути ручку транзистора, все равно не вырвешься из плена судорожной попсы. Так что не берите в горы транзистор, не оскверняйте природу.

Стихотворение о Хароне, перевозящем в небытие неисчислимое количество людей, изумляет парадоксальной печально-ласковой концовкой:

Он не страшный,
Он ведь добрый, Харон.
Он для всех местечко в лодке найдет.

А у Данте, между прочим, Харон изображен в виде беса... У Григорьевой же он – добрый и показан с долей легкой иронии. Но ведь и у Булгакова Воланд такой же. Парадокс ли это? Почему же тогда мы не считаем парадоксом финал знаменитого романа, где Мастер и Маргарита получают небесный покой – именно в качестве награды? Причем от сатаны! И в качестве компенсации за неудавшуюся земную жизнь! Нет, Григорьева не становится на ходули и не прибегает к психологическому клише. Она просто дает нам повод еще раз поразмыслить над тем, почему наша неустроенная жизнь порождает в нашем воображении образ «добрного» Харона.

А теперь посмотрите, какой ракурс приобретает эта тема в другом стихотворении:

Уносит всех река забвения.
Но не дает о них забыть.

«О них» – это о «лицах, датах и событиях». Имени Харона здесь нет. Но это уже принципиальная полемика с ним. Поэт возвышает свой глас против небытия и забвения...

Парадоксальность нашего горького быта может предстать в стихах Григорьевой и в натуралистических деталях. Она их не боится, если они к месту и помогают сорвать покров с ложной романтики:

Мятобрюкие, ботинкогрязные
И безденежные к тому ж,
Вислобрюхие и мутноглазые...
Каждый все-таки – чей-то муж!
Вот возить бы их всех по улочкам
В расписных веселых санях
И показывать юным дурочкам,
Что мечтают о женихах!

Если учесть, что это стихотворение называется «Феминистическое», то оно действительно написано в защиту юных дурочек, перенесших пытки телевизором... А причем здесь телевизор? А притом, что именно он сформировал тип мифического супермена, обладающего львиной физической силой, невероятной сексуальной притягательностью и беспредельным сказочным богатством... Мечта юных дурочек! А не испробовать ли пытки бытом? А ось помогут изжить романтическую дурь.

Умение поэта в сжатой форме выразить поэтическую мысль порождает непредвиденные афоризмы. Прислушайтесь:

Ведь жизнь – действительно проза...
С эпитафией из поэзии.

Или:

Живу я среди добрых людей,
А значит, живу я неплохо.

Или:

Не пером пишу, а нутром.

Обратите внимание, как попутно у читателя облегчается процесс познания сложностей бытия, причем с минимальной потерей времени. И в самом деле, жизнь сама по себе (даже самая тяжкая) – это чудо из чудес, поэтому и эпиграф у нее – из поэзии. Тем более, если ты живешь не среди «добрых вещей», а среди добрых людей. И, пожалуйста, задумайтесь те, кто не в силах унять писательский зуд и захламляет быт графоманскими сборниками, благо сегодня их нетрудно издать – были бы деньги: чем вы пишете – самоуверенным пером или поэтическим нутром?

Как у Ольги Григорьевой рождаются афоризмы? По-разному. Иногда как зачин, который автор терпеливо держит на примете по ходу развития поэтической мысли. Чаще – в конце стихотворения: в виде обобщения и улучшения сказанного. И очень редко – в середине, чтобы начало и конец выполняли функцию обоснованного оформления. Именно так построено стихотворение «Вечернее». Приведу сначала фрагмент из его середины:

Неважно, кто был смел,
Неважно, кто был прав,
Неважно, кем ты был,
А важно – кем ты будешь.

Если эти строки вырвать из контекста, то перед нами декларация, напоминающая рассуждения тургеневского Базарова: я, дескать, потому отвергаю авторитеты, что они почивают на прежних заслугах, а прежние заслуги необходимо подкреплять новыми деяниями. То есть: «Неважно, кем ты был, а важно – кем ты будешь».

Но, повторяю, так можно рассуждать, если вырвать эти слова из контекста. А у Григорьевой – гораздо сложнее. В начале она радуется, что сумела избежать пяти ненужных встреч с бывшими друзьями, которые ответили злом на добро, а в конце – сама порывается на эти встречи. Вот вам и «обрамление» афоризма. Так что это: христианское всепрощение или великая попытка возвыситься над стандартностью ответных действий? Думай, читатель, думай. Истинная поэзия не должна разжевывать проблему, а лишь указать на нее. Вот и Владимир Высоцкий так поступил в своей «Дорожной истории», которая очень созвучна «вечернему» стихотворению Ольги Григорьевой.

Еще несколько афоризмов из юбилейного сборника павлодарского поэта:

Но ты понять меня сумей,
Вот штиля надо опасаться.
А если вихрь в душе моей –
То, значит, много в ней пространства.

И еще:

Слово памяти лучше молчанья.
Но молчание лучше, чем крик.

А это – уже специально для павлодарцев, помнящих автобусную остановку «Счастье»:

Выходите! Остановка «Счастье!».
Остановка есть, да счастья нет.

Подозреваю, что в Павлодаре вышеупомянутую остановку переименовали именно после появления в печати этих строк. Так сказать, для полного баланса: коли нет одного, то пусть не будет и другого. В пику цельным и сильным натурам...

Неожиданный ракурс – характерные качества афоризмов Ольги Григорьевой. Они дополняют, уточняют и оттеняют наши представления о сущности человеческой жизни... Поэт в расцвете сил завидует беспомощным старикам. Чему, собственно, завидовать? Тому, что они прожили много лет? Нет. А тому, что они познали «прелесть заката». Вот Высоцкий умер, не испытав этой прелести...

А как «схвачено» убийственное психологическое состояние эмигрантов: уезжать – нету сил, оставаться – тем более... Что же сама жизнь: «Она тянется долго и кончается быстро». И если каждое общество заслуживает своих преступников, то каждый человек заслуживает свою судьбу. Так в чем же мудрость жизни?

А мудрость – собой остаться
И новое полюбить,
Свое не предать богатство.
Чужое – благословить.

Цель и смысл жизни с особым лирическим пафосом раскрываются в тех стихах Ольги Григорьевой, где главенствует тема поэта и поэзии. Здесь тоже налицо самостоятельная коррекция зрения... Об этом – речь впереди.

ЭТЮД ТРЕТИЙ В поисках поэтической истины

В современных критических статьях стал фигурировать термин «многостаночность». Причем истолкование его подчас бывает полярно противоположным: для одних он – символ слияния разных ипостасей в одной творческой индивидуальности, для других – признак скольжения по поверхности, когда художественное и идейное обеспечение литературного текста становится просто невозможным.

Ольгу Григорьеву я бы отнес к первой категории «многостаночников». В данном случае я имею в виду не формальные факты, когда от стихов она переходит к литературоведческим исследованиям, а от исторического очерка – к обычной газетной информации. Я имею в виду объемность ее стихов в пределах одной и той же темы. В данном случае в тех, которые посвящены поэтическому искусству и коллегам по перу.

Передо мной стихотворение с лирико-публицистическим названием: «Грустные размышления о современной поэзии». О чем же размышляет поэт? О том, что некоторые ее коллеги ушли в коммерцию... О том, что другие подались в политику... О том, что третьи, прельстившись магией и экстрасенсными фокусами, пытаются врачевать человеческие души не эмоциональными стихами, а пресловутым био-полем... И еще. Кто-то, устранив от болевых проблем времени, заливает свой талант спасительной водкой, а кто-то уходит из жизни совсем, не желая пребывать в мире, где, по словам Чингиза Айтматова, даже горы – и те падают. Стихотворение заканчивается надеждой, что все-таки вот-вот должен родиться поэт, который спасет честь погибающего искусства... Однако обратите внимание на концовку. Да, такой поэт обязательно должен родиться, но –

То, что сказать должны мы были, –
За нас не скажет даже Он.

И наше предощущение повтора привычной мысли мгновенно улечивается. Потому что Ольга Григорьева подняла проблему совершенно в ином ракурсе – она подвергла своих коллег и всех нас заслуженной нравственной пытке: никто НИКОГДА не узнает о нас то сокровенное, о чем могли поведать миру только мы сами, а не будущие гении, которые станут нас судить по новым нравственным понятиям. И вынесут приговор нашей духовной нищете... А мы, ставшие «прахом, пылью», уже никак не сможем оправдаться.

Невольно вспоминается дневниковая запись А. И. Герцена: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди трагическую сторону нашего существования?.. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино? Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?»

Могут ли рождаться стихи в лихорадке буден, когда в первую смену поэт выполняет функции официального службиста, во вторую – погружается в домашний быт, а в третью, наконец, пытается «отыскать тугую рифму», собирая при этом все силы, чтобы не свалиться от усталости над чистым листом? Тот, кто убежден, что жизнь и поэзия – это разные вещи, скажет, что нельзя. Но для Григорьевой – «жизнь и поэзия – одно». Поэтому «третья смена» у нее образуется из первых двух. И кто знает: может быть, истинная поэзия действительно рождается из умения романтически трансформировать самые заурядные явления повседневной жизни? Ведь признался Грант Матевосян, что если бы он не пахал землю, не косил траву, не помогал родиться теленку, не прививал дерево, – то и романов бы его не было... А у Ольги Григорьевой даже после «третьей смены», когда наступает сон, стихи «бьются рифмами изнутри, как ребенок – пятками». Замечательный пример беспрерывной связи с окружающим миром! И справедливый укор тем, кто превратил поэзию в бирюльки, посвятив свое творчество эгоистическому самокопанию.

Стержень поэзии Григорьевой – живая жизнь со всеми отзвуками родной природы. Символом вечного круговорота, неразрывной взаимосвязи природы и поэзии является одно из ее стихотворений, которое я хочу привести полностью:

Подобье леса. Заросли ольхи.
 Стволы берез теплы, колюч шиповник.
 Подобье жизни все мои стихи.
 А жизнь – иная. Кто тому виновник?
 О, было б можно заходить, как в лес,
 Вот в эти строки и блуждать меж ними
 И пробовать на запах, вкус и вес
 И каждый звук, и каждой вещи имя.
 Пусть будет елью каждая строфа,
 Пусть скачут запятые, как лягушки...
 И, новый лист перевернув едва,
 Разлечься на полях, как на опушке.
 И, запрокинув голову, уснуть,
 Примяв края исписанной тетрадки.
 Стихи – не жизнь. Но боль ее и суть.
 Наверно, потому грустны и кратки.

Формально с первых строк уже можно отонуть в пространстве мысли. Судите сами: «Подобье жизни все мои стихи. А жизнь – иная». Если стихи подобны жизни, а жизнь – иная, то где здесь логика? А логика – в зародышевых нюансах, обретающих законченную форму в самом конце. Истинные стихотворные строки могут рождаться только из глубин природы – в соответствии с ее дыханием и ритмикой, где главенствует прежде всего примирительная естественность, а не натужный «головной» профессионализм, столь приманчивый для поклонников постмодернизма. И теперь понятно, почему у Ольги Григорьевой стихи – не сама жизнь в нашем понимании, а «боль ее и суть». Ибо в боли мы познаем как раз ту суть, при которой тайное знание становится явным.

При всей своей толерантности Григорьева может изречь: «Ведь поэзия – перевод с Божественного на русский». А перевод на французский, казахский, немецкий – это что: уже не поэзия? Но в том-то и дело, что поэт постоянно отучивает читателя от буквализма. Принимать буквально вышеприведенный афоризм может лишь человек с врожденными вывихами сознания. Григорьевская формулировка – это образная благодарная дань русской поэзии, которая воспитала ее как человека и творческую индивидуальность.

Тема поэзии звучит у Григорьевой в разных регистрах, причем эти звуки связываются с определенными эмоциональными образами. Вот перед нами белый танец июньского пуха. Его гонят метлой, но тополь продолжает бороться за жизнь. И хотя мириады кружащихся точек лягут в землю и сгинут, но что-то ведь прорастет... Так и кружащиеся поэтические строчки не все сгинут во тьму: какие-то из них прорастут в человеческих душах... Трепетное чувство поэта не обманчиво – даже в самые смутные времена человеческое сердце не теряет способности откликаться на добро и правду. Откликаться... Впрочем, на эту тему написано особое стихотворение, которое так и называется – «Отклик»:

Может, все-таки услышат,
 Может, все-таки прочтут...
 И полюбят, и напишут,
 И на помощь позовут.
 Ведь важней всего – как воздух,
 Печка лютою зимой,
 В чьих-то душах просто отзвук,
 Просто отклик. Боже мой...

Скорбное, но не безнадежное ощущение... Ведь уверенность в необходимости своего труда усиливает возможности поэтической деятельности, возвышает ее достоинство и поощряет при любых неблагоприятных обстоятельствах. И рождает подлинную свободу чувств и мышления, ту свободу, которая обязательно сопряжена с нравственной ответственностью перед читателями.

И вполне понятно, что среди разнообразнейших существ, которые населяют стихи Ольги Григорьевой, вдруг обнаруживаешь Пегасика. Повторяю: не Пегаса, а Пегасика. Признаться, я прежде никогда не слышал такое уменьшительное имя мифического крылатого коня, друга благородных поэтов. И здесь по-настоящему умиляет сентиментально-трогательное отношение поэта к своему услужливому покровителю:

Я у крылышек спинку ровную почешу,
 У Пегасика песню новую попрошу.

Эта выразительная, почти беззвучная форма просьбы настолько полна женского изящества, что очаровывает с полуслова.

В поисках поэтической истины Григорьева избегает постановки открытых проблем – социальных, психологических, политических. Все это у нее содержится подспудно и озаряется светлым мироощущением. Это отчетливо проявляется и в одной из ее «просторовских» публикаций (2009, № 2). Грозному холоду-государю, подсчитывающему числа в календаре, противопоставляется обычное лето, у которого не бывает чисел. Повтор жизненных впечатлений поэт воспринимает как аванс от Бога: значит, и на том свете есть повторение счастливых мгновений, испытанных человеком на грешной земле. Отсюда – напевный призыв помолиться Богу, чтобы в суете буден не измельчилась душа и не погрузилась бы в темноту...

Вообще весь этот «просторовский» цикл – тихие вспышки лучезарных огоньков, которые рассеивают тьму и встряхивают сознание.

...Здесь шла речь лишь о тех стихах Ольги Григорьевой, где поэтические проблемы предстают лишь, как говорится, общим наплывом. Но у нее немало стихов, посвященных персонально конкретным творцам от Пушкина до Гундарева. Значит, разговор наш далеко не исчерпан...

